

DOI: <https://doi.org/10.25146/2587-7844-2020-11-3-55>

УДК 81'272

РУССКИЙ ЯЗЫК В ФИНЛЯНДИИ: ДОМ КАК СИМВОЛ ДОМА

Е.Ю. Протасова (Хельсинки, Финляндия)

К.Л. Резник (Вантаа, Финляндия)

Аннотация

Русскоязычные жители Финляндии составляют менее двух процентов населения, но достаточно заметны в его составе. Среди них потомки так называемых «старых русских», живших здесь еще до революции, финны-репатрианты и ингерманландские финны, супруги граждан Финляндии, лица, приехавшие в связи с работой или учебой. Хотя обретение жилища является обычно не целью, а следствием переезда за границу, для беженцев оно также может быть утешением, нахождением пристанища, для эмигрантов – этапом вживания в незнакомые условия, которые следует адаптировать под себя. Новое окружение следует постепенно подчинить своим привычкам, желаниям, идеалам. Памятные вещи оказываются важным мостиком между прошлым и будущим, восстанавливающим связь времен. Полный отказ от предыдущего существования, от сложившейся ранее идентичности невозможен. Статья исследует символическую привязанность к материальной стороне дома, сохранение самобытности и интеграцию в принимающее общество, опираясь на метод тематического анализа дискурса. Участники фокус-групп и интервью, авторы эссе – русскоязычные жители Финляндии различного этнического происхождения, в основном в возрасте около 20 лет (и не более 30). Они еще достаточно молоды для того, чтобы успеть накопить много вещей, помнить о жизни в русскоязычном окружении (они прибыли из разных мест бывшего СССР). Тем не менее им важны фотографии предков, доставшиеся от друзей и родных украшения, сувениры и какие-то предметы, передающиеся по наследству. Заметно, что они еще находятся под влиянием традиций семьи, но начинают строить свое микропространство, которое несет в себе некоторые признаки русскости и по мере взросления будет насыщаться смыслами, говорящими о все более сложной личности их хозяев.

Ключевые слова: *русскоязычные в Финляндии, русскоязычная диаспора, дом и жилище, молодые поколения мигрантов, материальная культура многоязычия, мультилингвизм, многоязычная идентичность, символические функции предметов, памятная вещь, русский дом, русскость, финскость.*

Дом так же способен рассказать о характере и сути человека, как его одежда, являясь отражением и индивидуальной, и групповой идентичности [Kron, 1983]. Оба аспекта значимы для миграции: недаром важно говорить о потере дома на прежнем и приобретении на новом месте жительства. Декорирование дома – это применение системы символов, принятых в определенной культуре, где все имеет значение: форма, назначение, цвет, объем, материал, структура [Wang, 2018]. Мигранты часто упоминают о том, как менялось убранство жилища на протяжении их вживания в новую культуру, как приходилось расшифровывать бытовые привычки (например, учиться обставлять квартиру, выбрасывать мусор, опла-

чивать коммунальные услуги), тем самым интегрируясь в неизвестную среду. На внутреннее убранство дома тратится много времени, идей и средств (от отделки стен, пола и потолка до мебели, декорирования окон и покупки картин и безделушек), но люди обычно редко рефлексиируют по данному поводу. Чтобы жить в доме, нужно следовать определенным правилам. Много ресурсов уходит также на поддержание порядка. Творя собственное жилье, мы находимся в процессе постоянного выбора: куда ставить, как хранить, как поддерживать в хорошем виде, покупать или не покупать, делать видимым только себе, посетителям или никому, освещать или оставить в тени, что с чем рядом поместить.

Отношение большинства людей к своему дому, хотя и похоже на глубокую привязанность, часто обманчиво: они видят в нем не то, чем он является на самом деле, либо не задумываясь над этим, либо не умея взглянуть на него со стороны [Мороз, Рымарович, 2014; Рымарович, 2012]. По району, где здание расположено, судят о классовой принадлежности собственника и о его жизненной позиции. Все это может быть незнакомым мигранту. Почти все собирают коллекции чего-нибудь, классифицируя предметы по определенным признакам, однако объем собрания, форма хранения и качество объектов также свидетельствуют о статусности. Если обнаруживается чье-то неумение разобраться в ценности сохраняемых вещей, это сильно задевает мигранта, как и вообще перемена статуса. Интересно, что если некто обладает вещью такой же, как у знаменитого или богатого человека, он как бы становится его копией, воплощая те же привычки повседневности. Слепое имитирование не дает на самом деле эффекта принадлежности к тому же слою: тут нужно найти подобие, аналог, отнестись к решению своеобразно, а не подделываться под посторонний вкус. В чужой стране прежние ролевые модели не работают, наступает растерянность от того, что неясно, кому подражать.

Интерьер обычно меняется не так часто, как одежда, и выражает индивидуальность во временной перспективе. Идея обладания, власти над людьми и вещами обсуждается редко, но является неотделимой от человеческой сущности. Герои художественной литературы и знакомые каждому личности говорят о вреде консюмеризма и вещизма, об отказе от личной собственности, но не могут жить без предметов, которые от частого употребления наделяются особыми сверхматериальными качествами, становятся символами плохих и хороших событий, героических поступков и разочарований и т.п. Помимо материальной и нематериальной стоимости, вещи имеют отношение к воспоминаниям, связывают с другими людьми и событиями, им приписываются сверхсилы, влияние на судьбу [Csikszentmihalyi, Rochberg-Halton, 1981]. Потеря предмета не уничтожает олицетворенных в нем памятных моментов, однако, не подкрепляясь новыми ощущениями, образы былого начинают реже возникать во внутреннем представлении. Вещи могут переносить в прошлое, но и держать в прошлом, не давая возможности развиваться. Степень зависимости человека от вещей различна: одни люди сильно связаны с предметностью и царапины на мебели ранят их, другие воспринимают неизбежный ущерб спокойно [Fortier, 2000, Lantos, 2011].

Собственность человека – это почти часть его самого, продолжение физического тела [Marcus 1995]. Часть вещей закрыта в шкафах – и скрыта от глаз, часть выставлена, но не функциональна в быту [Miller, 2001]. Одни могут рассказать, почему они поставили ту или иную вещь на какое-то место или убрали с глаз долой, а другие не думают об этом. Некоторые имеют сложную систему примет, талисманов и оберегов, при этом боясь говорить о ней. Собственность успокаивает и дает ощущение стабильности, предсказуемости. Другие люди (например, гости, соседи) оценивают то, как мы живем, и нам это безразлично.

Происходит взаимный обмен человека со своим пространством: архитектор, дизайнер и сам жилец придают ему тот вид, который их устраивает, а потом обитатель черпает силу в уюте, который был придан этому совместному произведению, проводя в доме большую часть времени. Тело помнит себя в разных обстоятельствах, и идеальными должны быть именно домашние условия. Проходя по комнатам квартиры, посетитель меняет угол зрения и знакомится с новыми видами – ландшафтами души человека, поместившего предметы в пространство. Дом, в котором до тебя жили другие люди, говорившие на другом языке, отмечавшие свои праздники, кажется тайной, которую нужно раскрыть. Глаза воспринимают не только то, что непосредственно вблизи, но и боковым зрением – окружающий мир, а через окно – пространство снаружи. Архитектура задает внешнее восприятие, вписывает обитателей в чужую судьбу. Сбываются мечты о своем личном пространстве, опирающемся на принципы красоты и рационализма, этики и эстетики [Pallasmaa, 2007].

Дом имеет физическое и духовное измерение, здесь начинаются и заканчиваются путешествия, рождается культура, формируются синестетические ассоциации [Быковская, 2013]. Если меняется образ жизни, меняется и дом, и наоборот. Дом защищает от враждебного мира, хранит сокровища и профессиональные принадлежности, в нем все имеет свою особенную ценность. Собирая внутри и вокруг вещи – знаки событий и решений, дом сам превращается в символ, причем что-то можно перенести в другое место, а что-то никогда [Sutcliffe, 2004]. Это место расслабленности и силы, прошлого, настоящего и будущего. То, как удастся организовать дом, не только влияет на работоспособность, но и отражает социальные нормы общества, и в этом смысле здесь сталкиваются субъектность и объектность, субъективность и объективность. Качество домашней жизни во многом определяет успешность и устойчивость личности [Rapport, Dawson, 1998]. Рассмотрим, как преломляется символическое отношение к дому у иммигрантов молодого поколения.

В Финляндии русскоязычные живут много столетий. С 1990 года иммиграция выросла за счет возвращения на историческую родину ингерманландских финнов и финнов-репатриантов (потомков тех, кто когда-то уехал в СССР), а в последние годы – тех, кто приезжает по рабочей визе или на учебу. Эти люди достаточно успешно интегрируются в принимающее общество и часто находят работу, связанную с русским языком [Kangaspunta, 2011; Zaikina, 2011]. Во внешнем виде и

в иных проявлениях личности, как и в других странах [Головина, 2017, Korpiņa, 2016], русскоязычные иммигранты придерживаются разных вариантов самопредставления [Гурова, 2013]. Дома русскоязычных иммигрантов в Финляндии различаются вкусом, стилем, происхождением, культурными запросами, предыдущим опытом их обитателей [Протасова, Резник, 2019]. Родители часто сетуют на то, что дети не дорожат заветными семейными реликвиями и просто теми вещами, на добытие которых предыдущее поколение положило свою жизнь. Сегодня молодые люди по-другому относятся к вещам, а как именно – об этом ниже.

В настоящем исследовании мы опираемся на групповые и индивидуальные интервью с проживающими в Финляндии русскоязычными иммигрантами, в основном молодого возраста, выясняя, как они ищут свои корни, что считают важным или ненужным иметь и какие типы гибридной культуры проявляются в организации личного жизненного пространства. Участники либо приехали в Финляндию маленькими детьми или в школьном возрасте, либо родились в двуязычных семьях, либо женились или вышли замуж за финнов. У этих молодых людей история жизни не такая длинная, их называют иногда вторым или полуторным поколением иммигрантов. Финляндская жизнь им проще для понимания, чем жизнь их родителей. Они в принципе одинаково хорошо говорят на обоих языках, но иногда для выражения мысли не хватает какого-то слова или они не могут вспомнить его, так как финское слово всплывает первым. Ответы групповых интервью (около 20 участников) расшифрованы и отчасти сохраняют разговорные, диалектные или интерференционные особенности речи участников. Кроме того, мы используем материалы некоторых эссе. При интерпретации данных мы опираемся на метод тематического анализа дискурса.

На вопрос о том, что **из вещей дорого в доме**, мы получили ответы, что важны старые альбомы с фотографиями: «Я вот всегда думаю, что, если будет пожар, что мне больше всего будет жалко за них. Не за дорогой компьютер. Наши все фотографии, ну там дедушка, бабушка, все. Вообще, и мои, и родителей». Соглашаясь с тем, что фотографии важны, другая участница добавляет: «Одно дело если они на компьютере сохраняются, а если они вот такие, которые уже нигде не достать. Или что-то такое, ну не открытки, а что-то там с детства, что написала... Не дневник, но что-то там вроде такого». Сохраняют также самостоятельно написанные рассказы, попытки создания литературных произведений, письма, семейные видеокассеты, которые уже негде посмотреть, а там вся прошлая жизнь, детство с родными, и нужно найти способ переписать их на диск, сохранить в электронном формате, чтобы когда-нибудь посмотреть. Сам факт их существования согревает душу. Молодые люди живут в основном самостоятельно, снимают квартиру или комнату, и большая часть документов из детства остается в родительском доме, если он есть, «просто такие фотографии, которые надо было где-то получить, а не как сейчас, все дигитальное», а с собой они не берут ничего ценного. Одна информантка сообщила, что при переезде из Эстонии (из этой страны большая иммиграция в Финляндию,

в том числе и русскоязычных) захватила расписные ложки и матрешку: «Я не могу сказать, что это занимало какое-то особое место у меня в Эстонии, когда я там жила, но с собой мне хотелось взять мини-символ русскости». Она также привезла с собой свои детские вещи, связанные с мамой, и ложечку, из которой ее кормили, а также одну мягкую игрушку – шмеля. Другие участники отмечают, что у них есть шкатулки, куда удобно складывать памятные вещи: «У меня есть коробочка воспоминаний, там, где много разных вещей, я все туда складываю»; «Я все собираю: и билеты в кино, и старый паспорт и так далее, и билеты, когда ездила, все»; «У меня есть книжка, в которую я приклеиваю все и записываю, где я была и что делала»; «Я очень люблю смотреть старые фотографии, которые я сам снимал или кто-то другой, они дороги».

Есть и **семейные истории**, которые связаны с какими-то вещами. «У меня такие маленькие, может быть, свои какие-нибудь талисманы. Я люблю, например, молодой человек подарил мне, когда мне исполнилось 18, я хочу вот это сохранить для моих детей. Если где-нибудь была, то, может быть, билет иногда сохраняла». «У меня есть одни сережки, которые носила мамина бабушка, потом носила ее мама, потом носила мама и потом мама дала их мне. Но она их мне не отдает особо носить, потому что я часто теряю вещи... Она мне их иногда дает, если я с ней рядом нахожусь». Другим тоже нравится привозить сувениры из разных стран, и эту коллекцию хочется взять с собой. «Мне очень приятно просто, когда у меня в своей комнате есть всякие статуэтки или такие маленькие штучки из разных стран, чтобы потом вспоминать, где я побывал, и все такое. И всякие магнитики из разных стран на холодильник положить (в финском языке глаголы *положить*, *поместить*, *поставить* выражаются одинаково)». Но есть и те, кто считает, что лучше просто хранить все в памяти, не привязываясь к определенным вещам, хотя любят привозить подарки из путешествий. Зато у одной участницы есть большой перстень, который она не носит, потому что он странного цвета и очень старый, передавался в семье по женской линии из поколения в поколение, и очень страшно его потерять. Другая участница собирает с седьмого класса бутылочки из-под духов, оставляя в них по несколько капель: «Когда я нюхаю, у меня аж, например, вот все воспоминания или, если тогда было такое время, когда много чего происходило и было как-то не страшно, а вот так интересно, и вот аж бабочки в животе появляются, когда я вот нюхаю». Она покупает новые духи, чтобы каждый период жизни ознаменовался своим запахом. Одна участница, которая недавно стала обустраивать свое жилье, сообщила, что в ее семье по детям и внукам расходуется бабушкино наследство, а именно вышитые подушки, и одна из них ей особенно дорога, потому что она помнит, что ее укладывали спать на эту подушку, когда она была маленькой. «Там была вышита девочка, вот так вот, уперев руки в колени, стоит и приветствует какую-то собачку. Потом эта подушка со временем выцвела, бабушка ее какое-то время назад вышила заново, и вот она была у бабушки, а теперь бабушки нет, и подушку я, одна из тех вещей, которую я забрала себе. И теперь это у нас в недавно законченном читальном уголке

на втором этаже. Я тщательно спланировала, чтобы был читальный уголок: топчанчик, подушечки, полочка – вот такой вот спокойный уголок». «У меня есть такой маленький-маленький медвежонок, и мне его подарил, когда я была очень маленькая, даже не помню, мне кажется, дядя, такой не очень прямой, а... Вот, и я его не помню, у меня только есть один подарочек от него, и я очень тепло к нему отношусь. Он, когда я первый раз ездила на машине за рулем, я была маленькая, он посадил меня вперед, мы чуть не уехали в кювет. Да, и я его до сих пор храню».

Рассказывая **о вещах, которые у них всю жизнь**, сколько они себя помнят, перечисляли: розовый зайка, мягкая игрушка, собачка, маленькие первые башмаки или туфельки, носочки («Их каждые из моих братьев и сестер носили. Они такие, как сказать, как *tossut*» (тапочки); «приятно смотреть на нее и вспоминать, что все эти годы как-то это сохранилось»). Называют также противный характер, крестик, сережки – берегут с детства, цепочка, которую пару лет назад получила на день рождения, «бусы бабушка мне отдала и мамины сережки из детства», «подарки, которые подружки дарили, сама она сплела такое украшение (фенечка). Я ношу часто. Или еще, например, кольцо, которое бабушка мне просто дала, тоже всю жизнь».

Вещью, которую жалко потерять, считают телефон (хотя можно новый купить, но просто...); «Любое, что потеряешь, всегда обидно. Мне кажется, со всем можно все-таки смириться». «Это фотография моей мамы в возрасте 22 лет, черно-белая. Она там, знаете, такая вся, видно, старалась вот, для фотографии. Тогда прически были в моде, вот, это 60-е годы, почти Бабетта у нее была прическа. Мне эта фотография дорога тем, что, во-первых, это моя мама, во-вторых, когда она была молодая и очень красивая, а в-третьих, эта фотография стояла в моей комнате в студенческом общежитии, когда я была практически такого же возраста и когда приходили посетители, они говорили: „А где так хорошо тебя сфотографировали в стиле ретро?“. То есть принимали за меня, и это было мною спровоцированное недоразумение, которое мне было приятно». Из вещей родителей «мне кажется, что многое осталось там, где-нибудь на чердаках, и потом просто пропало со временем. Но некоторое привезли. У папы, например, до сих пор вот, он служил тогда на море в армии, у него до сих пор вот эта его одежда – форма». «У папы еще, он спортсменом был, у него такие дневники сохранились: когда он тренировался, сколько тренировался, чего тренировался. И когда я была маленькая, он мне тоже делал такой же дневник». Родители не навязывают семейные воспоминания, а их дома не воспринимаются детьми как типично русские. Одна девушка рассказала, что очень ценит семейные реликвии, которым уже 80 лет – по сравнению с ее жизнью это огромный срок. Среди них – бабушкин ридикюль, доставшийся ей еще от ее бабушки, дедушкина фуражка, в которой тот ходил на работу, документы, награды и драгоценности. Многие вспоминают о старинных часах и кулинарных книгах – именно эти предметы считаются более ценными, чем другие.

Памятные вещи с родины, привезенные родителями, есть не у всех. Некоторые начинали практически с чистого листа, захватили с собой только фотографии, «потому что все осталось у бабушки, она же все-таки там жила, и осталась там, так что все у нее было». «Только некоторые книги и кассеты, и магнитофон, и мама мне еще недавно рассказывала историю, что, когда она работала бухгалтером в России, у них разыгрывались талончик на какую-то книгу, и у нас там особо никто не читал, а моя мама всегда очень любила читать, и она специально немножко смухлевала, чтобы именно ей достался этот талончик, хотя она обычно так никогда не делала, и она получила эту книгу и с собой ее привезла. Точно не помню, какого автора, к сожалению». «Знаете, что мы привезли? Таковую кастрюлю. Казан. Вот это у нас было много-много лет. Сейчас мама новый привезла пару лет назад. Плов мама и папа готовят. И еще такое: мама мне показывала в детстве всегда мультики, которые не двигаются, а просто мама сама в словах рассказывает и показывает такие... на стенке (имеются в виду диафильмы), и я смотрела такие мультики», а коробочки, в которых хранятся пленки, по мнению говорящей, похожи на яйца киндер-сюрприз. «Вот у меня отчим привез серебряную ложечку. Когда-то давно, когда еще был прадедушка и прабабушка, еще жили в Финляндии, у них был большой сервиз и серебряные приборы – большой-большой набор, и, к сожалению, осталась только вот эта маленькая серебряная ложечка». «У меня родители вообще много чего привезли из России. Например, самое такое странное для меня было – это фен, который еще моей прабабушки. Он до сих пор работает. Да, раньше все, все хорошие были товары. Потом, что еще... Я даже не знаю, как объяснить, такие, как фотографии – пленка в рамочке – которые вставлялись в специальную штучку и смотрели их там (имеются в виду проектор и диапозитивы). У нас такие есть, они привезли. И еще есть для соли такая штучка с ложечкой (т.е. солонка), что тоже для меня было странно – такой маленькой ложечкой соль». «Ну, первое, которое я вспомнил, такая, как она называется, столкнижка или как? Его можно открыть так. И это очень хорошего качества, из дуба. Моя мама получила его от своей бабушки, то есть от моей прабабушки, и мы до сих пор пользуемся им». Надо отметить, что это не единственный информант, который сообщает о столе-книжке (подобный предмет финляндская мебельная промышленность, видимо, не выпускает). «Моя мама тоже много что привезла. И посуду, конечно, большая часть из нее была подарена на свадьбу. Одежду, потому что она очень любит одежду. И еще фотоальбомы такие старинные, там, где еще на таких твердых пластинках, так сказать, фотографии. Вот. И, конечно, украшения тоже, потому что это относится к одежде». Респонденты не знают, **каков типичный русский дом**, но им кажется, что у бабушки и дедушки более похоже, а у родителей нет. Другие вспоминают: «Ну вот такое вот, где большая стенка, в этой стенке там стоят все эти бокалы и вся посуда. Я считаю это более как русский. На стенах ковры, конечно, не висят, но есть, чтобы пол, там большой ковер, такое цветное все там, бордовое... Сравнить с мамой, у нее там все, как минимальное, белое, всего мало, вещей мало. Картины, например, тоже, и много фотогра-

фий висит». «Мне кажется, у русских все так *наляпнуто*. Так, ремонт делаем так, туда-сюда, но не так как-то тщательно, как у финнов все. Ну как-то, мне кажется, у финнов все как-то почище или... Ну вот нету ничего лишнего. Мне кажется, у русских много чего лишнего дома. А, и эти, иконки». «Я сравниваю мой дом с домом, который у нас на родине есть: вот там как будто бы все... *koristellut*, приукрашено. Ну, эти и покрывала, и занавески, и тюль, там все такое кружевное, вот такое. И когда первый раз туда ехали, потом в Финляндию приехали, мне хотелось такой же стиль, и я оттуда привезла себе тюль и покрывала, потому что здесь я это не видела. Там такое нарядное все. Мне нравится такой стиль. Мебель такую я не могу найти. Где? Такая, где с узорами, углубленная. Моим родителям не особо нравится. Мне нравится. Моя комната вот так. Вот у нас в каждой комнате, конечно, висит тюль, но не более». «Про русский дом мне кажется, там много всякого такого лишнего. Очень много, что у финнов нету. На стенах нет картин, как у русских обычно картины висят. Очень минимально все». В силу того что у молодых людей мало финансовых возможностей и мало собственного пространства, они еще не очень часто задумываются об усовершенствовании жилища: «У меня нет тяги к предметам быта, чтобы это было именно настоящее такое».

О том, **какой дом у родителей, русский или финский**, говорят: «На данный момент финский уже. Папа был такой очень консерватив, и он не хотел, чтобы мы что-то меняли дома, но я уже переехала, но, как бы, чтобы мама ничего не меняла дома. Но потом, когда его не стало, мама всю мебель поменяла, и у меня такая современная квартира, светлая... Так что большей частью, конечно финская, чем раньше была. Картин нет. То есть есть одна старая картина, которая у нас всегда висела на стене, с Финляндии. Есть фотографии все равно еще». «У моих родителей тоже финская квартира, они вообще никогда не держали вещи, всегда следили за современными тенденциями в обстановке дома. Из русского у нас остались бабушкины вышивки – маминой мамы. И еще, когда родители купили дом, там было очень много всяких разных вещей от предыдущих хозяев, там была картина, написанная русским автором, неизвестным. Можно ли это считать? Ну, с такой русской деревенской зимой». Кстати, некоторые информанты подчеркивали, что зимний пейзаж больше соответствует русской природе, следовательно, такие картины чаще висят на стенах в домах, где живут русскоязычные; однако, вероятно, это больше типично для южных стран, чем для Финляндии, где у местных художников много зимних пейзажей. «Тоже финский (дом), да, у нас все белое, квадратное или серое». Но так не у всех: «Наверно, все-таки больше русского, чем финского. Картины есть и ковры. Очень часто я замечала, что у финнов вообще ковров нет. На полу, на стенке нет у нас ковра». «У моих друзей всегда ковры были. Ну такие, обычные, с ворсинками». «И у моих тоже». «У нас тоже более финский дом. Да, но дубовый стол». «У нас мама главная с оформлением, так что у нас более русское. Например, шторы все в рюшечках. И еще вышивка, например, на шторах. И к тому же важно, чтобы мебель подходила по цвету, была бы деревянной. И ковры на полу. Есть только пейзажи, потому что у нас в роду один художник был, его работы висят».

О доме своей мечты говорят: «Большие окна. Много света. Светлое все». (Заметим, что желание иметь большие окна отмечается во многих финских опросах об идеальном жилище.) «Современный я хочу». «Мне нравится старый. Только это не значит, чтобы он изнутри тоже был. Когда в старом доме, но квартира после ремонта. Мне нравится, например, как в американских фильмах, все сделано по-современному, а один уголок оставлен, как сказать, с кирпичной стеной, например, камин какой-то стоит или еще что-то. И там одна стена вот оставлена кирпичная, мне нравится так». «Если дом как в Улланлинна или в Пунавуори (центральные районы Хельсинки с богатыми домами), там такие очень старинные дома, которые очень красивые снаружи, но внутри там можно было бы быть все такое модёрное, как бы смешано все, что внутри там такое старинное, а внутри там такое все новое».

У несколько более старшего человека и опыта, и возможностей больше: «То, что дом не финский, это я вам сразу скажу. Абсолютно не финский. Русский ли он, я не знаю, потому что я не знаю, какие русские дома. То, что у меня там есть русские книги – да, то, что у меня, если телевизор и играет для фона, то это канал “Культура” – да. Пожалуй, все. Скорее, это американский дом, потому что мой первый опыт домовладения, вот именно быть самой хозяйкой дома, был в Америке довольно в нежном возрасте. Там у меня не было знакомых и общения иммигрантских кругов, это были абсолютно обыкновенные американцы вокруг меня, и мой стиль и вкус домохозяйства заложен там. Это выражается в оформлении интерьера. Я бы назвала стиль традиционный, классический. А здесь знакомые, которые приходят: “Ого! Как в музее!”. Хотя, это не значит, что у меня какие-то вазочки, экспонаты... Но как-то им кажется, что арки... ну, например, столовая: нижняя часть белая и рамки такие прямоугольные, вот так вот идет декоративная балясинка или, я не знаю, как ее сказать. Верхняя часть – обои. И много декоративных деревянных деталей оформления. Много округлых форм. Предметы мебели, скорее, традиционные, классические. Не современные, не скандинавские совсем. Пожалуй, от финскости – ну вот есть пара подушечек... А так, даже какие-то предметы интерьера у меня привезены из-за границы. Очень много я привозила, как ни смешно, из Эстонии, из-за границы, для меня очень важно. И вот именно этот дом – мы его перестраиваем, он старый, в плачевном состоянии, теперь мы его почти довели до ума, и чем мне понравилось, что я могла там создать все, как я хочу. У меня в голове была картинка, нужно было как-то это осуществить. Мой дом – моя крепость, мой кошачий уголок. В Америке то, что здесь можно найти в антикварных магазинах за большие деньги, выпускается до сих пор, и это не считается старинным или антикварным, просто считается традиционным, классическим. Мебель, так получилось, куплена здесь, но итальянская, потому что стиль ближе. Однако есть несколько предметов, которые нам достались вместе с домом: это два старых... Что-то среднее между стулом и креслом, которые я отдала перетянуть новой материей, и лампа, которая переделана, явно была в свое время переделана из масляной лампы в электрическую. С какими-то бронзовыми витушками, с плафоном, немножко мещансковатая, там какие-то херувимчики в этом плетении, но не

очень бросающиеся в глаза. В доме раньше жила очень пожилая бабушка... И еще там обнаружился набор серебряных ложек даже с гравировкой. Так что финскость в этом, да и то не очень финская, потому что это финляндские шведы, люди, которым принадлежали эти ложки. Именно финского там нет совсем».

Мы также спрашивали у всех, **что говорят гости о доме**. Ответы среди прочего были такие: «Когда приходят, часто говорят: “Ой, как чисто!” Потом мама говорит: “Да, и хорошо, пыль в глаза пускаю”». «Ну, просто говорили, как уютно, родственники, когда у родителей». «Русские люди говорят, что как в музее, финские люди говорят: “Ого! Ну это точно не финский дом! Это дворец какой-то”. Хотя, с одной стороны, мне приятно, а с другой – кажется, что это преувеличение, потому что красиво, как мне кажется, уютно, как мне кажется, но это очень далеко от дворцовой роскоши».

На вопрос о том, **где ваш дом**, одна респондентка ответила: «Домом я с некоторых пор называю свой дом здесь. Я не имею в виду страну, а именно свой *koti* (дом). Пузырь. Мой очаг. Мои близкие, узкий круг друзей, важно: книги, передачи, фильмы русские. И старые советские фильмы». У других домом может быть также дача бабушки и дедушки или дом в деревне в России (причем в разных регионах), Эстонии, Латвии, Молдавии, на Украине, где летом в детстве проводили каникулы. Обстановка и запахи детства связаны также с едой. Воспоминания о том, как это было в их жизни когда-то, лежат в основе восприятия русскоязычного мира. Квартиры в иных городах воспринимаются скорее как чужие, принадлежащие родственникам, и с ними ассоциируются походы в музеи, театры, на елки, в гости, т.е. более интенсивная культурная жизнь.

В заключение можно сказать, что восприятие молодыми людьми прошлого фрагментарно, опосредовано тем, как определяли его для них взрослые. Отделение от родительской семьи происходит постепенно, дети отдаляются от вкусов своих предков, но продолжают их учитывать. Повествуя о своем доме, респонденты иногда затрудняются подобрать нужные выражения и четко выразить мысль, они допускают погрешности, связанные с неточным знанием лексем, порой вставляют финские слова, чтобы было понятнее, о чем идет речь. Важнейшие воспоминания воплощены в фотографиях, изображениях, письмах, своих и чужих записях, посуде, одежде. Собственное отношение к русскости и финскости также стереотипно: финский минимализм, белый и серый цвета, светлая мебель, отсутствие лишних вещей и русское украшательство, яркие цвета, темная мебель, изобилие книг и картин. Интересно, что многие называют украшения, которые важны тем, что связаны с родственниками, игрушки и вышивки. Очевидно, что ценность вещам придают люди, она не абсолютна. Стоит отметить, что при репатриации по финской и ингерманландской линии некоторые вещи, хранившиеся в семье, возвращаются на «родину». Обращает на себя внимание тот факт, что некоторые из респондентов не хотят ни русского, ни финского варианта жилья, предпочитая итальянский, арабский, американский стиль, то есть выбирают третий путь. В целом же они открыты всем культурам и не судят никого строго, лояльны к родителям и к друзьям.

Библиографический список

1. Быковская Т.В. Поэтика дома: образы внутреннего пространства человека // Современные проблемы науки и образования. 2013. № 4. С. 402–410.
2. Головина К.В. Материальная культура и бриколаж: как русскоязычные мигранты в Японии создают и приобретают вещи // Антропологический форум. 2017. № 34. С. 178–211.
3. Гурова О.Ю. «Выглядеть по-русски». Российские мигранты в Финляндии: социальные характеристики и потребление одежды // Экономическая социология. 2013. № 2. С. 17–41.
4. Мороз В.В., Рымарович С.Н. Концепт «дом»: историко-философские и культурфилософские основания // Ученые записки: электронный научный журнал Курского государственного университета. 2014. № 2. С. 1–10.
5. Протасова Е.Ю., Резник К.Л. Русские дома в Финляндии: предметы и дискурсы // Уральский филологический вестник. Сер.: Язык. Система. Личность: Лингвистика креатива. 2019. Вып. 2. С. 122–133.
6. Рудковская М.М. Городская повседневность русских военных эмигрантов в Тулоне в 1920–1930-е годы: жилищные и материально-бытовые условия // Известия Смоленского государственного университета. 2019. № 4. С. 374–386.
7. Рымарович С.Н. Культурообразующий потенциал идеи дома // Ученые записки: электронный научный журнал Курского государственного университета. 2012. № 4. С. 1–8.
8. Csikszentmihalyi M., Rochberg-Halton E. The Meaning of Things: Domestic Symbols and the Self. Cambridge: Cambridge University Press, 1981. 304 p.
9. Fortier A.-M. Migrant Belongings. Memory, Space, Identity. Oxford: Berg, 2000. 224 p.
10. Kangaspunta M. The Integration of Russian immigrants into the Finnish labour market and Society. Tampere: University of Tampere, 2011. 58 p.
11. Koptina H. East to West Migration: Russian Migrants in Western Europe. London: Routledge, 2016. 225 p.
12. Kron J. Home-Psych: The Social Psychology of Home and Decoration. New York: Potter, 1983. 327 p.
13. Lantos G.P. Consumer Behavior in Action: Real-life Applications for Marketing Managers. London: Routledge, 2011. 648 p.
14. Marcus C.C. House as a Mirror of Self: Exploring the Deeper Meaning of Home. Berkeley, CA: Conari Press, 1995. 320 p.
15. Miller D. (ed.) Home Possessions. Material Culture behind Closed Doors. Oxford: Berg, 2001. 256 p.
16. Pallasmaa J. The Eyes of the Skin. Chichester: Wiley, 2007. 130 p.
17. Rapport N., Dawson A. (eds.) Migrants of Identity. Perceptions of Home in a World of Movement. Oxford: Berg, 1998. 260 p.
18. Sutcliffe T. Reminders of Home: A Semiotic Survey of the Signs Related to Human Dwelling Places. Dominguez Hills: California State University, 2004. 76 p.
19. Wang J. Applied Research on Semiotics in Interior Design. Pecs: University of Pecs, 2018. 138 p.
20. Zaikina O. The Significance of the Russian Language in Finland. Espoo: Laurea Leppävaara, 2011. 55 p.

Сведения об авторах

Протасова Екатерина Юрьевна – доктор педагогических наук, доцент, профессор-адъюнкт Отделения языков Гуманитарного факультета, Хельсинкский университет (Финляндия); e-mail: ekaterina.protassova@helsinki.fi

Резник Кирилл Львович – магистр физики, социальный антрополог, директор Alfabetica Art Group (Финляндия); e-mail: kirill.reznik18@gmail.com

DOI: <https://doi.org/10.25146/2587-7844-2020-11-3-55>

RUSSIAN LANGUAGE IN FINLAND: HOUSE AS A SYMBOL OF HOME

E.Y. Protassova (Helsinki, Finland)

K.L. Reznik (Vantaa, Finland)

Abstract

Russian-speaking people in Finland make up less than two percent of the population, but are quite visible in its composition. Among them are descendants of so-called “old Russians” who lived here before the revolution, Finnish returnees and Ingermanland Finns, spouses of Finnish citizens, persons who came to work or study. Although the acquisition of housing is usually not the purpose, but the consequence of moving abroad, for refugees it can also be a consolation, a shelter, and for emigrants, it is a stage of getting used to unfamiliar conditions that should be adapted for themselves. The new environment should gradually be put under control in what concerns their habits, desires, ideals. The memorable things prove to be an important bridge between the past and the future, restoring the connection of times. A complete rejection of the previous existence, of the earlier established identity is impossible. The article explores symbolic attachment to the material side of the home, preservation of identity, and integration into the host society, drawing on the method of thematic analysis of discourse. Participants of focus groups, interviewees, and authors of essays are Russian-speaking residents of Finland of different ethnic backgrounds, mainly at the age of about 20 (and not more than 30). They are still young enough and cannot have accumulated lots of things, they are not able to remember well enough the life in Russian-speaking surroundings (they came from different places of the former USSR). Nevertheless, they care about photos of ancestors, objects obtained from friends and family jewelry, souvenirs and items, which they have inherited. It is noticeable that they are still influenced by the traditions of the family, but begin to build their micro-space, which carries some signs of Russianness. As they grow older, it will be saturated with meanings that speak of the increasingly complex personality of their owners.

Keywords: *Russian speakers in Finland, Russian-speaking diaspora, the house and the dwelling, the younger generations of migrants, material culture of multilingualism, multilingualism, multilingual identity, symbolical functions of objects, memorabilia, the Russian house, Russianness, Finnishness.*

Bibliograficheskij spisok

1. Bykovskaya T.V. Poetika doma: obrazy vnutrennego prostranstva cheloveka [Poetics of home: Icons of internal space of the person]. *Sovremennye problem nauki i obrazovaniya*. 2013. No. 4, pp. 402–410.
2. Csikszentmihalyi M., Rochberg-Halton E. *The Meaning of Things: Domestic Symbols and the Self*. Cambridge: Cambridge University Press, 1981. 304 p.
3. Fortier A.-M. *Migrant Belongings. Memory, Space, Identity*. Oxford: Berg, 2000. 224 p.
4. Golovina K. Materialnaya kultura i brikolazh: kak russkoyazychnye migranty v Yaponii sozdayut i priobretayut veshchi [Material Culture and Bricolage: Russian-speaking Migrants in Japan Who Make and Procure Objects]. *Antropologicheskij forum*. 2017. No. 34. P. 179–210.
5. Gurova O. “Vyglyadet po-russki”. Rossiyskie migranty v Finlyadnii: sotsialn ye kharakteristiki i potreblenie odezhdy [“To Look Russian”. Russian migrants in Finland. Social Characteristics and Clothing Consumption]. *Ekonomicheskaya sotsiologiya*. Vol. 14. No. 2. P. 17–41.
6. Kangaspunta M. *The Integration of Russian Immigrants into the Finnish Labour Market and Society*. Tampere: University of Tampere, 2011. 58 p.

7. Kopnina H. East to West Migration: Russian Migrants in Western Europe. London: Routledge. 2016. 225 p.
8. Kron J. Home-Psych: The Social Psychology of Home and Decoration. New York: Potter. 1983. 327 p.
9. Lantos G.P. Consumer Behavior in Action: Real-life Applications for Marketing Managers. London: Routledge. 2011. 648 p.
10. Marcus C.C. House as a Mirror of Self: Exploring the Deeper Meaning of Home. Berkeley, CA: Conari Press. 1995. 320 p.
11. Miller, Daniel (ed.). Home Possessions. Material Culture behind Closed Doors. Oxford: Berg. 2001. 256 p.
12. Moroz V.V., Rymarovich S.N. Koncept „dom”: istoriko-filosofskie i kul'turfilosofskie osnovanija. Uchenye zapiski: elektronnyj nauchnyj zhurnal Kurskogo gosudarstvennogo universiteta. 2014. No. 2. P. 1–10.
13. Pallasmaa J. The Eyes of the Skin. Chichester: Wiley, 2007. 130 p.
14. Protasova E.Y., Reznik K.L. Russkie doma v Finljandii: predmety i diskursy [Russian homes in Finland: Objects and discourses]. Ural'skij filologicheskij vestnik. Serija “Jazyk. Sistema. Lichnost': Lingvistika kreativa” [Ural Philological Bulletin. Series: Language. System. Personality: The Linguistics of Creativity]. 2019. No. 2 (28). P. 122–133.
15. Rapport N., Dawson A. (eds.). Migrants of Identity. Perceptions of Home in a World of Movement. Oxford: Berg. 1998. 260 p.
16. Rudkovskaya M.M. Gorodskaja povsednevnost' russkih voennyh jemigrantov v Tulone v 1920–1930-e gody: zhilishhnye i material'no-bytovye uslovija [Everyday life in the city the city among the Russian military emigrants in Toulon in 1920s–1930s: dwelling and material conditions]. Izvestija Smolenskogo gosudarstvennogo universiteta. 2019. No. 4. P. 374–386.
17. Rymarovich S.N. Kul'turoobrazujushhij potencial idei doma [The cultural potential of the idea of home]. Uchenye zapiski: jelektronnyj nauchnyj zhurnal Kurskogo gosudarstvennogo universiteta. 2012. № 4. S. 1–8. 18.
18. Sutcliffe T. Reminders of Home: A Semiotic Survey of the Signs Related to Human Dwelling Places. Dominguez Hills: California State University. 2004. 76 p.
19. Wang J. Applied Research on Semiotics in Interior Design. Pecs: University of Pecs, 2018. 138 p.
20. Zaikina O. The Significance of the Russian Language in Finland. Espoo: Laurea Leppävaara, 2011. 55 p.

About the authors

Protasova Ekaterina Yurievna – Doctor of Pedagogy, Associate Professor, Adjunct Professor at the Department of Languages, Faculty of Humanities, University of Helsinki (Finland); e-mail: ekaterina.protasova@helsinki.fi

Reznik Kirill Lvovich – Master of Physics, Social Anthropologist Director of Alfabetica Art Group (Finland); e-mail: kirill.reznik18@gmail.com